СОБАКА В РИТУАЛАХ КЛЯТВОПРИНОШЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. В статье исследуется роль собаки как жертвенного животного, наличие которой регламентировалось для проведения клятвы и присяги у монгольских народов. Выявлена ее семантическая связь с потусторонним миром и мифологическим правосудием, также определено, что собака наделялась функцией сакрального очищения при клятвенном обещании.

Ключевые слова: присяга, культ животных, правосудие, *арюни тэнгри*, Эрлэн хан.

Surjana B. Miyagasheva
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russia

DOG IN THE RITUALS OF OATHS OF THE MONGOLIAN PEOPLE

Abstract. The article is devoted to the role of the dog as a sacrificial animal, the presence of which was regulated for carrying out the oath among the Mongol peoples. Its semantic connection with the otherworldly world and mythological justice is revealed, and it is also determined that the dog was endowed with the function of sacred purification during the oath promise.

Keywords: oath, cult of animals, justice, *aruni tengri*, the Khan Erlen.

Образ собаки имел у монгольских народов своеобразное и неоднозначное семантическое значение — к ней относились почтительно, верили в ее провидческие возможности и способность отгонять злых духов, в то же время существовали поверья в «худых» собак, способных навредить благополучию и здоровью членов семьи [Хангалов 2004; Бурчина 2012; Бурькин, Болдырева 2019]. Собака занимала значительное место в мировоззрении и культовых ритуалах — она являлась тотемным животным, играла определяющую роль в родильных, свадебных, похоронных обрядах, а также в разнообразных магических ритуалах. Тем не менее, несмотря на достаточную изученность культа собаки, остается не вполне освещенным аспект ее сакрализации в архаической правовой системе, в частности ее ритуальному значению при клятвоприношениях.

В культовых обрядах в качестве жертвенных животных чаще всего выступали лошади, козлы, овцы. Присяга с использованием крови домашних животных была известна многим тюрко-монгольским народам. «Монгольский обычай таков, что они приносят друг другу клятву кровью» [Рашид-ад-Дин 1952: 186]. Для торжественной клятвы монголы выпивали кровь из рога коровы, нередко клятва подтверждалась разрубанием пополам жеребца или кобылы [Цыбикдоржиев 2003: 279]. В ритуалах шаманской клятвы кудинских бурят присягавший должен был ударить козленка ножом в сердце, а кобылу проколоть мечом в грудь и кровью намазать себе глаза, уши, рот и нос [Хангалов 2004: 315]. Кровь в подобных ритуалах олицетворяла сакральную субстанцию и обладала магическими силами, в том числе омолаживающими, оживотворяющими и очистительными свойствами [Леви-Брюль 1994: 522-523].

Согласно этнографическим материалам, в ритуале приношения присяги особое место занимала собака. В монгольском своде законов XVIII в. «Халха журам» приводится процедура очистительной присяги (*siqayaci*, *siqayan-du oruyci*), совершавшаяся с целью доказательства невиновности подсудимого [Пюрбеев 2012: 30]. Для подобного судебного разбирательства ответчику требовалось произнести перед истцом слова клятвы о невиновности и проползти под водруженными предметами из огнестрельного и холодного оружия, голов верблюдов, лошадей и собак. В качестве завершения обряда ответчику следовало испить из чаши *габалы* горячую собачью кровь [Болдбаатар, Лүндээжанцан 1997: 155-156].

Использование собачьей крови применялось в клятвоприношении у бурят и якутов, которые проводили ритуал разрубания собаки саблей и облизыванием окровавленного клинка [Бутанаев 2003: 64]. Подобная традиция также практиковалась среди народов Сибири. Г. Ф. Миллер описал у тунгусов обряд принесения клятвы, во время которого требовалось проткнуть отверстие в груди собаки, спустить немного крови в берестяную посудину и выпить несколько глотков. Тем самым считалось,

что дух собаки входит вместе с горячей кровью в того, кто дает клятву, и осуществляет наказание. Подобная традиция считалась высшей формой клятвы и подтверждением истины у тунгусов [Миллер 2009: 168-169].

Присяга и клятва подразумевали то, что человек ставил на кон свою жизнь, здоровье, честь, будучи искренне убежденным в том, что в случае лжеприсяги его постигнет суровая участь, проклинал свой род и своих потомков, если отступит от присяги. В связи с этим, ритуальные атрибуты наделялись карательной силой, например, у хакасов считалось, что оружие в случае обмана при клятве должно было выстрелить [Очерки истории Хакасии 2008: 288-289]. В этих же целях у калмыков во время присяги прикладывали саблю к горлу, а стрелу к языку, или подносили огнестрельное оружие ко рту [Георги 1779: 10-11].

Функцией сакральных судей наделялись жертвенные животные, которые призывались в качестве свидетелей клятвы. Так, у тунгусских народов была известна наиболее обязывающая и страшная клятва, сопряженная с поеданием или кусанием кусочка медвежьей шкуры. Считалось что клятвopеступник, который в доказательство своей невиновности съел кусочек медвежьей шкуры, не проживет и года, так как медведь сожрет его в течение этого срока [Миллер 2009: 174]. Также и клятва посредством крови собаки и ее жертвы представляется высшей мерой ответственности и правосудия у монгольских народов. Однако особое культовое значение собаки в ритуальной практике клятвы и присяги у монгольских объясняется не мотивом свирепости как в случае с медведем, а имеет глубокие мировоззренческие и мифологические мотивы, связанные с ее образом хтонического животного.

В героических эпосах монгольских народов чаще всего упоминания о собаке встречаются в мифах в связи с мотивами земли и загробного мира. Собака сопровождает души умерших в нижний мир, кроме того, она выступает в качестве сторожа у ворот ада [Авакова, Бектемирова 2009: 44]. У сяньби существовал обычай откармливать собаку, которую в последующем хоронили рядом с умершим, тем самым поручали ей покойного, чтобы она охраняла и сопровождала его душу в потустороннем мире [Пүрэв 2006: 131]. В монгольских погребениях Восточного Забайкалья I тыс. н.э. собака фигурировала в качестве погребального животного и ее захоронения были ориентированы с запада на восток [Ухинов 2010: 82], что связано с представлениями о местонахождении потустороннего мира.

У бурят северная или северо-восточная сторона считались недоброжелательными, а слово *зуулэхэ* — досл. «идти на восток» означало «отправляться на «тот» свет», который якобы находился на северо-востоке *зуун-хойно* за р. Леной, именуемой *Зулхэ мурэн* [Манжигеев 1978: 54]. Считалось, что в этой стороне обитают восточные небожители *зууни хад* — восточные хаты, во главе которых значился владыка загробного мира *Эрлэн номон хан*. По поверьям бурят и монголов, именно *Эрлэн номон хан* и восточные небожители ведают сакральным правосудием — перед ними предстают на суд отступники и грешники, в том числе нарушившие клятву [Миягашева 2018: 227]. В связи с этим, семантическая связь собаки с подземным миром разъясняет ее ритуальную функцию в качестве судьи при приношении очистительной клятвы.

Мотив связи собаки с потусторонним миром и представления о сакральном правосудии позволяют раскрыть семантику аспекта очистительной клятвы, называемой монгольскими народами *арюуни хэрэг* (*арюун* — чистота, неповинность, *хэрэг* — дело). По мифологическим воззрениям бурят-монголов, очистительной клятвой ведали восточные небожители *зууни хаты*, также называемые *арюуни тэнгэри* [Миягашева 2018: 227]. Само понятие невиновности и непричастности означалось словом *арюун*, а получить оправдание суда обозначалось *арюунда гараха* — стать очищенным [Пюрбеев 2012: 30]. Вероятно, способность ритуального очищения приписывалась собакам — например, у хакасов собака обладала способностью ритуально очистить ружье: испорченное ружье исправляется, если выстрелить из него в собаку [Бурнаков 2012: 200], а у зороастрийцев прикосновение к собаке приравнивалось очищению от всего греховного [Авакова, Бектемирова 2009: 46].

Подводя итоги, отметим, что собака играла существенную роль при клятве и присяге в качестве основного связующего звена и имела высокий сакральный статус.

Литература

Авакова Р.А., Бектемирова С.Б. Отражение образа собаки в тюркских и славянских языках // Вестник РГГУ. № 8. 2009. С. 41-47.

Бурнаков В. А. Традиционные представления хакасов о собаке // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2012. С. 132-216.

- Бурчина Д.А. Отражение культа собаки в героическом эпосе бурят // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. Улан-Удэ, 2012. С. 169-174.
- Бурыкин А.А., Болдырева И.М., Мурзаева Д.Н. Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы [эл. ресурс]. № 4. 2019. С. 119-132.
- Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.
- Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 4. СПб., 1779. 246 с.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. 608 с.
- Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М., 1978. 127 с.
- Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. Этнографические труды. Ч. 1. М., 2009. 456 с.
- Миягашева С.Б. Клятвенные ритуалы бурят // Найдаковские чтения-4. Тюрко-монгольский мир. Гуманитарные исследования. Улан-Удэ, 2018. С. 226-229.
- Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан, 2008. 672 с.
- Пюрбеев Г.Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.-Калуга, 2012. 270 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1.
- Ухинов З.Ч. Собака как погребальное животное у народов Восточного Забайкалья в I тыс. н.э. // В мире научных открытий. № 4-10 (12). Красноярск, 2010. С. 81-83.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 2. Улан-Удэ, 2004. 312 с.
- Цыбикдоржиев Д. В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ, 2003. 292 с.
- Болдбаатар Ж., Лүндээжанцан Д. Монгол улсын төр, эрх зүйн түүхэн уламжлал. Улаанбатор. 1997. 392 х.
- Пүрэв О. Монгол бөөгийн шашин. Улаанбатор, 2006. 394 х.